

Дмитрий Алексеевич Данилов

Дом десять. Тушино

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22016573

Москва: место встречи : городская проза / Сост. Елена Шубина, Алла Шлыкова.; Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-099718-3

Аннотация

«...Зимой, чтобы попасть из Тушино в район Речного вокзала, люди ходили по льду. Это быстрее, чем ждать 199-й автобус, которого надо было сначала дожидаться, потом он ехал по бульвару Яна Райниса, по улице Героев Панфиловцев, по улице Фомичевой, по улице Свободы, по Московской кольцевой автомобильной дороге, по Ленинградскому шоссе, по Беломорской улице, по Смольной улице, по Фестивальной улице, а так – сразу, по прямой, или, как некоторые говорят, напрямки, по льду, по снегу, и вот ты уже на Речном вокзале, у обледелых бездействующих причалов...»

Дмитрий Данилов

Дом десять. Тушино

Часть жизни прошла в Тушино. Часть детства прошла в Тушино. Довольно большие отрезки времени проведены в Тушино. На Туристской улице, дом десять. Там жила бабушка.

Семидесятые годы, восьмидесятые годы. Семидесятые годы и первая половина восьмидесятых годов. Проводил там выходные дни, каникулы. Что-то вроде дачи или деревни, потому что ни дачи, ни деревни не было, и для этих целей использовалось Тушино.

В Тушино было много деревенского. В Тушино были настоящие деревни. Петрово. Алешкино. Захарково.

Если выйти на балкон, немного высунуться наружу и посмотреть направо, можно было увидеть деревню Петрово. Простые деревенские избы. Сельское хозяйство. На Туристской улице – современные панельные дома, а за ней – деревня Петрово.

Деревня Захарково располагалась возле универсама. Огромный универсам на улице Свободы, в том месте, где к ней примыкает Химкинский бульвар. Его так и называли – универсам. Достаточно было произнести это слово – и все понимали, что имеется в виду именно этот универсам, а не какой-нибудь другой.

Универсам сохранился по сию пору. На нем большая надпись – «Универсам».

Деревня Захарково располагалась возле универсама, между улицей Свободы и Химкинским водохранилищем. Туда ходили купаться. Пройти по дороге между деревянными домиками и купаться.

По поверхности Химкинского водохранилища плавали всякие ошметки, мусор. Купаешься – а рядом покачиваются на волнах ошметки.

Деревня Захарково располагалась на берегу Химкинского водохранилища. Там была устроена пристань. Пристань называлась Захарково. От пристани Захарково до Речного вокзала ходило маленькое суденышко. Даже паромом его нельзя было назвать. Просто суденышко. Можно даже сказать – кораблик. Но это будет некорректно. Корабль может быть только военным, и кораблик – это маленький военный корабль, а водное транспортное средство гражданского назначения называется судно. Значит, суденышко.

Суденышко ходило от пристани Захарково до Речного вокзала. Речной вокзал – прекрасное серое здание. Суденышко преодолевало расстояние от Захарково до Речного вокзала минут за десять. Потом обратно. Потом туда. Потом обратно. Можно было целый день кататься на суденышке. Этот процесс был приятен.

Зимой, чтобы попасть из Тушино в район Речного вокзала, люди ходили по льду. Это быстрее, чем ждать 199-й ав-

тобус, которого надо было сначала дожидаться, потом он ехал по бульвару Яна Райниса, по улице Героев Панфиловцев, по улице Фомичевой, по улице Свободы, по Московской кольцевой автомобильной дороге, по Ленинградскому шоссе, по Беломорской улице, по Смольной улице, по Фестивальной улице, а так – сразу, по прямой, или, как некоторые говорят, напрямки, по льду, по снегу, и вот ты уже на Речном вокзале, у обледенелых бездействующих причалов.

199-й автобус – любимый маршрут. В дальнюю даль, за пределы Тушино. Любил на нем кататься. Просто так. Завораживающе. Сесть на сиденье у кабины водителя, такое есть сиденье в автобусах «ЛиАЗ», рассчитанное на трех пассажиров, сидишь боком к окну, смотришь вперед, кайф, просто кайф, сначала бульвар Яна Райниса, потом улица Героев Панфиловцев, улица Фомичевой, между серых домиков, потом улица Свободы, она действительно довольно-таки свободная, широкая, слева серые дома, девятиэтажные и пятиэтажные, справа Химкинское водохранилище, простор, потом Московская кольцевая автомобильная дорога, это уже не улица, а настоящее шоссе, уже тогда были примитивные развязки для съезда с прилегающих улиц на Московскую кольцевую автомобильную дорогу и обратно, указатели «Ленинград», «Дмитров», «Шереметьево», дорога, дорога, автобус разгонялся, очень, очень здорово, потом сворачивал на Ленинградское шоссе, еще не было пробок, как сейчас, и автобус деловито ехал по мосту через канал имени Москвы,

прекрасный вид, баржи, краны, горы песка и щебня, вдали маячит временно покинутое Тушино, Ленинградское шоссе широкое, парадные ворота города, красота, потом начинаются серые невзрачные улицы, Беломорская, Смольная, Фестивальная, здесь уже конечная, метро «Речной вокзал», автобус стоял на конечной, но недолго, все выходили, а водитель спрашивал, а ты что, тебе куда, да я просто так, можно я подожду, что, катаешься, да, просто так, можно, а билет есть, есть, вот, ладно, сиди, сейчас поедem, что, интересно кататься, да, интересно, хороший маршрут, ладно, сейчас поедem, и потом обратно, по Ленинградскому шоссе и так далее, не обязательно опять перечислять все улицы, по которым идет 199-й автобус, сколько можно.

Автобусный билет стоил 5 копеек. Троллейбусный – 4 копейки. Трамвайный – 3 копейки. Автобусный – синий, троллейбусный – черный, трамвайный – красный. Кассы были устроены в расчете на сознательность пользователей. Надо было опустить в щель монету или несколько монет, например, 2 коп. + 1 коп. + 1 коп. + 1 коп. или 3 коп. + 2 коп. или другие комбинации и потом оторвать билет. Причем отрывание билета технически никак не было связано с опусканием монет. Можно было кинуть, скажем, не 2 коп. + 1 коп. + 1 коп. + 1 коп., а 1 коп. + 1 коп. + 1 коп. + 1 коп., или даже 1 коп. + 1 коп. Никто же считать не будет. Главное, чтобы была как бы горсть монет. Потому что если одну копеечку кинуть, то какой-нибудь ворчливый пенсионер обязательно за-

метит, и поднимет вой, и будет мерзко ругаться. А так кинул несколько монеток – и оторвал билет. Можно было оторвать билет вообще без денег. Правда, если рядом стояли ворчливые пенсионеры или просто люди и видели, что мальчишка отрывает билет бесплатно, они обычно поднимали вой, стыдили, заставляли платить, чуть не линчевали, звали водителя, а если стайка нахальных подростков с магнитофоном делала так, то никто ничего не замечал и водителя не звали. А если какой-нибудь ворчливый пенсионер, например ветеран войны или ветеран органов внутренних дел, к ним все-таки начинал докапываться, они ему просто грубо отвечали: дед, не лезь, не нарывайся, не твое дело, или просто по морде ему давали, была очень высокая подростковая преступность, а нефига лезть куда не просят, козел старый. А вот если людей рядом не было, то можно было оторвать билет бесплатно. Однажды сел в 199-й автобус с целью совершить неутилитарное путешествие к Речному вокзалу. Улучил момент, оторвал билет без денег. Денег потому что не было, или просто их жалко было, деньги можно на что-нибудь другое истратить, например, добавить еще 2 коп. и купить розовое фруктовое мороженое в стаканчике, оно стоило всего 7 коп. и было приятно и вкусно его есть. Доехали до конечной, все вышли. Водитель: что, дальше поедешь? Да. Катаешься? Да. А билет есть? Вот. А деньги в кассу кинул? Да. Ну, смотри, если не кинул – убью. Не убил. Собственно, как он мог проверить, кинул деньги или не кинул, просто, как это сейчас

говорят, дешевые понты, но все равно как-то немного неприятно было, хотя фигня, конечно, водитель сказал, ну ладно, катайся, сел в кабину, открылись двери, вошли пассажиры, двери закрылись, и 199-й автобус поехал по 199-му маршруту, самому интересному маршруту в Тушино.

Деревня Алешкино находилась там, где сейчас метро «Планерная». Алешкино – это была конечная остановка почти всех тушинских автобусов. Так и было написано: «96 Алешкино – ст. Тушино» или «102 Алешкино – метро Сокол». Потом построили метро «Планерная» и перенесли конечную остановку туда. А от старой конечной остановки осталось большое пустое заасфальтированное место, которое по традиции называется Алешкино.

Кстати, 102-й автобус теперь ходит не до метро «Сокол», а до станции «Тушино». Туповатый маршрут, по улице Свободы с севера на юг и обратно. А 96-й так и ходит от «Планерной» до станции «Тушино».

Дом десять – длинный, серо-белый, девятиэтажный. Двенадцать подъездов. Посередине арка.

С одной стороны дома десять – заросли, так называемые зеленые насаждения. Деревья сильно разрослись, закрывают половину фасада. Это фактически маленький лес, между деревьями петляют тропинки. В одном месте среди деревьев стоял огромный камень, словно бы некий монумент неизвестному погибшему существу. Около камня пили. Очень удобно было поставить на камень бутылки, расстелить газе-

ту, разложить закуску. Пили, орали и дрались. Пространство вокруг камня было густо усеяно битыми бутылками, пивными и водочными пробками, окурками и другой антропогенной грязью.

С другой стороны, там, где подъезды, вдоль дома десять тянулась асфальтированная дорога. Вся она была уставлена машинами, оставался узкий проезд. Уже тогда у населения было довольно много личных автомобилей, не так много, как сейчас, конечно, но все-таки достаточно, чтобы уставить ими асфальтовую дорогу, тянувшуюся вдоль дома десять. Старые «москвичи»—412, 408, 407, а иногда даже 403 и 401. «Жигули»—2101, 2102, 2103. «Волги» 21 и 24. Ушастые «запорожцы».

У «запорожца» мотор располагается сзади. У остальных машин – спереди.

Да, еще у автомобиля «фольксваген-жук» мотор располагается сзади. Это редкая компоновка.

Интересно было заглядывать в салоны машин через стекло. Машины пахли бензином. Однажды один парень объяснил: смотри, вот сцепление, вот газ и тормоз, а этот рычаг – чтобы скорости переключать. Нажимаешь сцепление, рычаг вот так вот – раз, влево и вперед, и потом одновременно отпускаешь сцепление и нажимаешь на газ. Через много лет правильность этих инструкций была подтверждена на практике.

Сразу за дорогой начиналось поросшее травой место, ко-

торое называлось двор. Во дворе играли.

Было принято играть и вообще находиться только в той части двора, которая непосредственно примыкает к твоему подъезду и нескольким соседним. В другие зоны двора ходить не рекомендовалось. В других зонах можно было получить по морде.

Песочница. В песочнице – песок. Примерно раз в год приезжал самосвал с песком и вываливал кучу песка в песочницу. Песочница фактически оказывалась погребенной под горой песка. Песок новый, чистый, приятный. Постепенно, в процессе совершения с ним различных игровых и символических манипуляций, песок становился грязным и неприятным. Его количество постепенно уменьшалось. Проходило лето, и уже не было никакой горы песка, а была просто песочница, и в ней немного песка. Куда он девался – неизвестно. Его же никто не носил к себе домой, не переносил с места на место, не набивал им карманы и не ел. Однако песок постепенно исчезал. Потом опять приезжал самосвал и вываливал кучу песка, нового, чистого и приятного.

Качели. Небольшие убогие качели. Аппарат для падений и получения травм различной степени тяжести.

Существовал вид спорта – прыжки с качелей в длину. Сильно раскачаться и прыгнуть как можно дальше. На земле отмечалось место, до которого допрыгнул участник соревнований, потом прыгали другие, и выявлялся победитель.

При помощи этих соревнований можно было себе что-ни-

будь сломать. Это иногда случалось. Но насмерть, кажется, никто не разбился. Вроде бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.